

**ГЕНЕАЛОГИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
«КИТАЙСКОЙ» ГРУППЫ ТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЫ КАЗАХСТАНА**

В условиях всемирной глобализации, которая приводит к нивелировке культурного фона, обостряется проблема этнической самоидентификации. Ее состояние обусловлено также поиском национальной идентичности после известного периода образования новых независимых государств на территории бывшего Советского Союза. В Казахстане данная проблема проявила себя в возрождении родового сознания. «Наиболее значительным инструментом сохранения и передачи традиций для казахов являлся род... Понимая ограничения и отрицательные стороны родового мышления сегодня, мы должны осознать колоссальную связующую роль родовой психологии в драматической истории нашего народа... Родоплеменная идентификация сегодня – это инерционное явление пройденного этапа этногенетического развития казахского народа. Задача нации сделать так, чтобы эта инерция служила консолидации нашего народа» [25. С. 33, 52]. Конкретное проявление ситуации выразилось в большом потоке публикаций такого устного вида «степной историографии», как «шежире» (генеалогий) (например, [1; 2; 7; 21]), которые выступали «системо- и смыслообразующим началом общественного сознания кочевников в целом и идеологии кочевого образа жизни в частности» [3. С. 125]. Таким образом, для казахского народа одним из традиционных и актуальных способов решения проблем этнической идентификации является генеалогическая память.

В то же время та часть любого этноса, определяемая как «диаспора» изначально, по определению, сталкивалась с проблемой этнической идентификации и самосохранения и вынуждена была ее решать с момента своего возникновения. «В иноэтническом окружении всегда, хотя бы подсознательно, присутствует оппозиция “мы–они”... Соот-

ношение тенденций к ассимиляции и к сохранению национального самосознания определяет и основной ход этнических процессов в группе, и соответственно, процесс воспроизводства этнической общности» [13. С. 75]. Проблемы самосохранения этноса, возникшие в постсоветское время, вызвали интерес к диаспорам, имеющим исторический опыт их решения. «Совпадение интересов» привело к росту числа исследований в области диаспорологии. Как отмечает В. А. Тишков, за последние десять лет появились новые научные направления в этнологической науке, в том числе диаспорные [37].

В Казахстане история формирования казахской диаспоры представлена в работах разных авторов, в нашем исследовании в большей степени мы опирались на теоретические посылки из научных исследований Г. М. Мендикуловой [15–19]. Она определяет диаспору, как «группу этнического меньшинства, переселившуюся, проживающую и действующую в принявшей ее стране, но имеющую сильные сентиментальные и материальные связи со страной происхождения» [17. С. 74]. Диаспорология в суверенном Казахстане, в ее же формулировке, это отрасль научных знаний, изучающая исторические, экономические, демографические, этнопсихологические, социальные, политические, культурно-бытовые и другие вопросы развития казахской диаспоры и ирредии [Там же] (это при том, что в начале ее статьи присутствует ссылка на полиэтничность государства). И если на первом этапе становления диаспорологии в Казахстане был закономерен интерес в первую очередь к казахской диаспоре и ирредии, то на данном этапе нам представляется перспективным и актуальным изучение казахстанских национальных диаспор, их социально-экономического и культурного состояния.

Так, в Центральном государственном музее Республики Казахстан с 2002 г. функционировал отдел диаспорологии, в задачи которого входило изучение, исследование и экспонирование истории, культуры и быта казахстанских диаспор [8. С. 233], что свидетельствовало об институциональном оформлении общественного осознания важности научно-исследовательского и культурно-образовательного обоснования толерантной национальной политики Казахстана.

В свете данной проблемы представляет интерес исторический опыт одной из крупных и традиционных диаспор Казахстана – татарской, по переписи 1999 г. насчитывающей 248 954 чел. История появления первых переселенцев-татар на территории Казахстана и последующее расселение отражены в различных изданиях [6; 9; 26; 27; 34–36; 41; 43; и др.]. Наиболее солидной является коллективная работа «История Казахстана: народы и культуры», в ней И. В. Ерофеева констатирует то, что «в административно-управленческой практике российских пограничных ведомств наиболее востребованными видами деятельности на новоприсоединенных юго-восточных территориях империи являлись в XVIII в. посредническая торговля с “азиатцами”, политическая разведка, переводы с тюркских языков, обучение кочевников грамоте и исламу и т. д., т. е. те важные сферы восточной политики государства, на которых традиционно специализировались служилые выходцы из тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Сибири» [9. С. 232], и к «концу XIX столетия татары превратились в одну из наиболее многочисленных этнических групп региона, дисперсно расселенную на разных территориях Казахстана. В 1897 г. в Казахстане проживало 55 984 татарина, составляющих 1,34 % в общей полиэтнической структуре его населения» [Там же. С. 236].

Большая часть изданий по данной проблематике имеют научно-популярный характер. Это, например, одно из первых – «Татары в Казахстане» [43], издания региональных культурных центров [35], справочные издания, появившиеся в связи с 10-летием Ассамблеи народов Казахстана [26], и т. д. При этом следует отметить, что на сегодня отсутствуют обобщающие академические работы по казахстанской диаспоре татар. Подготовка фундаментального издания по теме предполагает исследование отдельных этнических, территориальных со-

ставляющих всей диаспоры. Необходимость этого косвенно проявилась в публикации сборника воспоминаний «Мы из Китая» [24], само название которого как бы декларировало осознание некоторой частью татар (в основном – города Алматы) собственной обособленности, самобытности истории и культуры. Впоследствии вышли и другие издания мемуарного характера, в которых так или иначе отмечался «китайский период» в биографиях татар [11; 28; 41; и др.]. Одним из самых известных представителей данной этнографической группы татар («китайдан чыккан татарлар» – дословно «татар вышедших из Китая») стал историк М. У. Усманов. Его воспоминания и очерки на татарском языке являются историческим введением ко всей литературе мемуарного характера, изданной по этой тематике [39; 40]. Празднование в Алматы в 2005 г. 50-летия переселения татар из Китая в СССР – один из последних «штрихов» к проблеме самосознания группы.

В связи с этим представляет интерес динамика численности татар в Казахстане и Синьцзяне в 1950–1960-х гг. Миграционный поток в указанный период можно условно разделить на две «волны» – середина 1950-х гг. и 1963 г., что было связано с политической ситуацией в СССР и Китае (подробнее см. [33]) и освоением целинных и залежных земель. Так, например, в Казахстане по данным переписей общая численность татар почти удваивается за два десятилетия с 1939 по 1959 г. и за одно десятилетие с 1959 по 1970 г. (108 127, 191 690, 285 689 чел. соответственно) [9. С. 532]. «С 1954 по 1965 годы республика была обеспечена дополнительным населением за счет целинников... По данным казахстанских демографов, с 1954 по 1962 год в Казахстан переехало 119 514 семей, плюс еще несколько сотен тысяч специалистов сельского хозяйства без семьи. Именно за счет этого численность только сельского населения республики увеличилась с 1953 по 1966 год на 2 миллиона человек» [10]. В Синьцзяне в 1952 г. было 6,6 тыс. татар, в 1957 г. уже 3,7 тыс., в 1962 г. – 2,6 тыс., а в 1965 г. – 2,1 тыс. [33. С. 134, 144]. Таким образом, мы не можем назвать точные данные о численности переселившихся татар из Синьцзяна в Казахстан, но косвенные статистические показатели позволяют предположить, что в составе казахстанской татарской диаспоры во второй половине XX в. формируется значительная группа «китайских» татар.

В контексте изучения истории формирования и выявления особенностей этой группы татар как составной части казахстанской диаспоры нас интересовала информация мемуарного характера, та, которую можно было бы отнести к разделу «устной истории». Безусловно, наиболее интересными на сегодняшний день являются мемуары Г. Ш. кызы Кармышевой «К истории татарской интеллигенции (1890–1930-е годы)» [12]. В книге повествуется о жизни татарской диаспоры в Семиречье и сопредельном с ним Синьцзяне в конце XIX – первой четверти XX в. Богатый материал дает представление об истории формирования татарского населения, о взаимоотношениях татар с многонациональным местным населением.

По мнению известного исследователя взаимоотношений Казахстана и Китая К. Л. Сыроежкина, народы, населяющие три северных круга Синьцзяна, проживающие на территории другой страны и вовлеченные в специфические социально-экономические и политические процессы, подчинялись иной логике исторического развития; по-другому шло формирование их социальной структуры и национального самосознания [32. С. 7]. Не являлись исключением и «китайские» татары, также имеющие свои особенности формирования этнического самосознания. «При анализе материала и осмыслении ряда теоретических вопросов в качестве методологической посылки мы исходили из общих законов развития этноса и этнической культуры, ее свойств и выполняемых ею функций. В частности, важное значение имеет положение о том, что этнографические группы в составе того или иного народа являются обычной нормой функционирования этносов, а их формирование, развитие происходят в непрерывной связи с историей этнической общности» [31. С. 8].

К исследованию этой группы татар до сих пор не привлекался такой вид источника, как родословные. Хотя по своей природе «одним из важнейших методов этнической истории, специально разработанных для проведения этноисторических исследований, является генеалогический метод» [14. С. 126]. «Генеалогические описания служат ценным источником, позволяющим проследить эволюцию отдельных человеческих общностей с различных позиций... Среди материалов, получаемых методом опроса, данные генеалогий выделяются корректностью, так как они содержат факты, поддаю-

щиеся проверке» [5]. В нашем случае мы имеем родословную татарина Габита Исхакова (1887–1935), составленную со слов его потомков и «выверенную» по его личной записи (1927 г., Китай), которую можно классифицировать как «шежире», во всяком случае в первой ее части¹.

Как отмечалось выше, в составлении «шежире» выражалось для казахов традиционное осмысление принадлежности к одной родовой группе. «Знание своего рода, племени, своих предков в семи поколениях (“жеті ата”) являлось для каждого казаха обязательным условием осознания своей родовой идентичности, а через это и передачи традиций своего народа. Это, в свою очередь, выявляло и укрепляло чувство этнической идентичности, не позволяя им ассимилироваться и потерять свой облик при всех перипетиях судьбы» [25. С. 33]. Н. Алимбай, известный исследователь в области социальных отношений кочевников, в своих работах подчеркивает «значение шежире как одного из составляющих механизма трансмиссии и аккумуляции межпоколенно-этнической информации в кочевой среде» [1. С. 344].

Осознавая важность такого способа сохранения памяти, как «шежире», для сохранения этнического в своих потомках, Габит Исхаков решает записать свои знания о предках и родственниках. Видимо, родословная записана под влиянием кочевой культуры, контакты с которой у татар, традиционно имеющих репутацию «просвещенной и просветительской нации» (татарский язык являлся официальным языком деловой переписки между царской администрацией и степью) [23. С. 104], были очень близки (вплоть до брачных связей). В данном случае мы имеем пример восприятия представителем татарской диаспоры опыта кочевых народов сохранения культуры через знание и сохранение устных генеалогий, при этом происходит сочетание письменных земледельческих и устной кочевой традиций фиксации истории как способа этнической идентификации и самосохранения. «В земледельческих обществах коммуникация с прошлым осуществлялась через письменные источники. Принципиально другая ситуация у представителей кочевых обществ, которые не могли широко пользо-

¹ В статье использованы документы из семейного архива автора.

ваться письмом, хотя с древности алфавит у них был. Отношение к письму было прохладным, как к атрибутам оседлого земледельческого образа жизни» [22. С. 102].

Таким образом, на сегодняшний день у нас на руках письменный источник, документ из семейного архива. В тетрадке с обложкой черного цвета – текст, написанный на татарском языке арабской графикой². Отсюда название документа – «Кара китап» («Черная книга»). Но за таким названием стоит не просто обозначение цвета, ведь в тюркской традиции дополнительное употребление слова «кара» имеет семантику почтительного отношения. Например, в словосочетании «кара казан» («черный котел») слово «кара» выступает в значении «сакральный, священный, изобильный»; «каратау» («черная гора») – в значении «священная гора» и т. п. Возможная параллель в русской культуре – многозначность слова «красный».

Сохранность страниц различна, и в связи с этим чтение и расшифровка производились с трудом. Текст был составлен различными авторами: разные почерки, выцветший «химический» карандаш также осложняли чтение. Предложения между собой приходилось разделять по смыслу, так как при использовании арабской графики не всегда прописывались точки как знаки препинания. Непосредственная запись Габита Исхакова расположена на первых трех страницах, частично – на четвертой и пятой, и была прервана его смертью. Так, на шестой странице мы читаем: «25 октября, 1935 года, в пятницу, в 4 часа в автомобильной аварии умер (погиб. – Г. Ф.) родной дядя Габит сын Исхака-хажи. Пусть земля будет пухом». Следовательно, запись была продолжена одним из его племянников, затем старшим сыном Анварбеком, сыном Фатихом и др. По отдельным записям видно, что тетрадь использовалась не только для фиксации родословной, но и для других фактов, датируемых разным временем. Например, на 11-й странице идет описание хозяйственного земледельческого годового цикла (1928 года), на 14-й – незаконченное письмо Гульанвары (Гультай), на 21-й и 26-й – адреса на кириллице.

² Чтение текста, написанного на татарском языке арабской графикой, осуществлялось Гаммаром Тимергалиевичем Исхаковым (1929 г. р., Алматы). Перевод текста и рассказов на русский язык дан в нашей редакции.

На первой странице содержится информация об исторической родине предков, о *чыккан жери* (месте «исхода»): «*Мои предки прибыли (приехали. – Г. Ф.) в район Тарбагатая из местечка Рабига уезда Чистай Талкыш аула*». – и далее без перехода – «*мещанин Хусаин сын Мухамат-Шарифа сына Сайфуллы сына Ишмухамета сына Исмагила сына Мулломурата сына Мирзагарея прибыл*» (здесь и далее курсивом пояснения наши. – Г. Ф.)

Смушает двойное употребление глагола «прибыл» – в начале во множественном числе и в конце – в единственном, но по-другому прочитать текст не удалось. При переводе слова «бин» в оригинале текста на татарском языке мы использовали слово «сын», так как это принятая в арабском языке (языке Корана) формулировка для обозначения родства по прямой мужской линии. В то же время на 9-й странице четким почерком идет повтор данного предложения (видимо, кто-то из потомков дополнительно выяснял место и состав предков), но слово «бин» пропущено. Отсюда возникла путаница при первой публикации о Габите Исхакове, которая была основана на устном сообщении его зятя Шаукета Хабибиева, когда-то читавшего текст из «Кара китап» и сделавшего из него выписки. По его мнению, перечисленные имена – это имена предков Габита, но не предков Хусаина, а его братьев. Таким образом, в статью попала недостоверная информация: «*В середине XIX века шестеро братьев – крестьян деревни Талкыш-аул Приказанья уехали из родных краёв. Ими руководило стремление сохранить свои семьи, спасаясь от долгой службы в царской армии. Они обосновались в Казахстане*» [42. С. 29]. В настоящее время мы определяем данную цепочку имён как перечисление предков семи поколений по прямой мужской линии вверх от Габита.

Хусаин по социальному положению относился к самой многочисленной группе татар-переселенцев, так как «большинство их относилось к сословию мещан (37,6 %), 28,2 % татар являлись крестьянами; 9,9 % – казаками и 2,4 % – купцами» [9. С. 236]. Его потомки впоследствии занимались и земледелием, и скотоводством, и ремеслом, и торговлей.

Далее по тексту: «*У нашего деда Хусаина 4 сына: Ибрагим-хажи, Исмагил, Исхак-хажи, Хасан. Дочери: Биби-Гарифа, Биби-Гайша, Биби-Саида, Биби-Гафия, Биби-*

Газиза, всего 5 дочерей). Употребление приставки «Биби» к женскому имени характерно для казанских татар, имеющих репутацию «классических татар» (например, из воспоминаний Г. Ш. кызы Кармышевой: *«Мои родители, как все казанские татары, были довольно благовоспитанными людьми»*) [12. С. 26]. В данном случае мы не будем останавливаться на истории и «справедливости» употребления этнонима «татары» в отношении многих этнических групп. Отметим лишь, что одной из причин появления представлений о «правильном», «образцовом» исполнении обрядов, образе жизни и т. д. как «казанском» образце привело к использованию «столичного», «казанского» татарского в качестве литературного языка.

В полевой практике автора данной статьи был случай, когда сибирская («заболотная») татарка говорила о семье соседей: *«Да у них у всех девочек имена начинаются на “биби”, так как у них мать из казанских татар»*. В отношении «китайских» татар данный момент отразился в их самосознании. Так, на вопрос «какой вы национальности?» обычным является ответ «татары» с последующим уточнением, например «вышедшие из Китая, кульджинские», и если ответ не удовлетворяет спрашивающего, то добавляется – «прежде были казанские» (уфимские и т. п.). Неоднозначность этнонима «татары» проявилась в том, что в Средней Азии татар называли ногаями. Г. Ш. кызы Кармышева в своих мемуарах вспоминает: *«Местные народы считали несколько оскорбительным называть нас татарами и продолжали называть нугаями (ногаями – Г. Ф.)*. И нам самим было нелегко называться татарами. Потом привыкли» [Там же. С. 351]. Один из информаторов-казахов пояснил: *«Ногаи – это свои татары, те, что рядом, а просто татары – это те, что далеко»*.

Следующие по тексту предложения мы прочитали так: *«Нас, (всех. – Г. Ф.) детей, мама (анам) (фактически бабушка. – Г. Ф.) – Бибигафия дочь Абуталипа. Семья Исхака-хажжи. Наша мама Биби-Гайша дочь Мухамат-Рахима, Мухамат-Рахим сын Мухамат-Шарифа. Наша бабушка со стороны мамы, т. е. мама Биби-Гайши – Аймджан дочь Нургали. Жена Нургали – Минка (...)* (текст неразборчив. – Г. Ф.). *У них два сына – один Амир, ещё один Галимжан»*. Как видим, и отца Хусаина, и отца Мухамат-Рахима звали Мухамат-Шариф. Плюс к этому в уже упомянутой выше «пояснительной» записи

на 9-й странице читаем: *«Чистой уезд, Талкыш аул. Исхак, Хусаин, Шариф, Сайфулла, Ишмухамат, Исмагил, Мулломурат, Мирзагарей. Сыновья Шарифа – Нигматулла, Хусаин, Мухамат-Рахим»*. Можно предположить, что Исхак и Биби-Гайша были между собой двоюродными, но, во-первых, это противоречит принятым среди татар брачным нормам, во-вторых, как доказывалось выше, данная запись, скорее всего, результат неправильного чтения основного текста. В-третьих, в семье передаются из поколения в поколение рассказы о том, как Исхак женился на Гайше, казашке (с подробным уточнением – род «найман», ру – «матай»). Эти рассказы заслуживают того, чтобы привести их в данной работе (см.: Приложения), так как они свидетельствуют о взаимоотношениях татар и казахов. В то же время такие рассказы как бы подчеркивают исключительность браков с представителями другого этноса (особенное лучше запоминается). Особое стремление вступать в брак только со «своими» характерно для диаспорных этнических групп, так как в иноэтничном окружении начинает работать механизм самосохранения этноса. В мемуарах Г. Ш. кызы Кармышевой также читаем: *«Первые прибывшие сюда татары женились на уйгурках, некоторые на вдовах... В те годы, когда мы поселились в Кульдже, татары уже перестали жениться на уйгурках, так как невест-татарок было достаточно»* [12. С. 135].

Сохранилась фотография 1916 г., где Гайша запечатлена вместе с внуками. Одетая как типичная татарка, но на руках у нее сидит маленькая девочка, на голове которой надет казахский девичий головной убор «такия» с перьями филина. Перья использовались у казахов в качестве оберега. Умерла Биби-Гайша дочь Мухамат-Рахима, как свидетельствует надпись с ее надмогильного камня, вполне сохранившегося на татарском Дурбульджинском кладбище, в 1920 г. В тексте: *«Наша мама Биби-Гайша родилась в 1857 году, умерла в 1920 году 14 апреля в Китае городе Дурбульджине»*.

Данные генеалогии (см.: Приложения) дают следующую статистику относительно межэтнических браков. 80 являются межэтническими, что составляет 31,25 % от общих 256 браков. Из них, когда мужчина женился на женщине другой национальности: русской – 26, уйгурской – 7, казахской – 5; когда женщина выходила за мужчину дру-

гой национальности: казахской – 17, русской – 11, уйгурской – 5, узбекской – 3. Большую долю браков с русскими внесла семья Сухановых (4 в десятом поколении, при счете сверху вниз, и 11 – в одиннадцатом), но при этом необходимо отметить, что они являются потомками (некитайской ветви родословной) родной сестры Габита – Сахипджамал Исхаковой, не переселившейся в Китай вместе с братьями и перенесшей все тяготы этого времени, выпавшие на долю обычных граждан СССР (муж – Ахметгали Суханов, партийный деятель, был репрессирован, старший сын Гакиф скончался от ран, полученных на Великой Отечественной войне, и т. д.). Межэтнические браки скорее были исключением, чем правилом в десятом поколении (12 браков из 41 или 29,3 %), в последующих же поколениях идет постепенное увеличение их доли: в одиннадцатом – 45 из 128 или 35,2 %, в двенадцатом – 21 из 69 или 30,4 % (в том поколении не все брачные связи были известны информаторам, со слов которых составлялась родословная).

В то же время подобные браки способствовали этнической адаптации (см. [30. С. 283]) татарской диаспоры, процесс которой проходил относительно безболезненно, так как татары и в Казахстане, и в Китае жили по соседству с народами близкими им в хозяйственном, языковом, культурном и религиозном отношениях (например, «в середине 30-х гг. около 70 % жителей Чугучака исповедовали ислам» [11. С. 9]). Результатом такой адаптации стало формирование особой этнографической группы – «китайских» татар. Мы пока не ставим вопрос об этнической устойчивости данной группы, а лишь констатируем бытующие на современном этапе факты осознания «особости» среди ее представителей, стремление поддерживать status svo. Так, на вопрос об этнических предполагаемых брачных предпочтениях иногда можно услышать примерно такой ответ: «Лучше выдать дочь замуж за “китайского казаха”, чем за местного татарина, так как культуры более схожи». Однако необходимо отметить, что в среде татар данная проблема не была столь острой, как в среде уйгуров, у которых, по свидетельству Шона Робертса, «браки между местными жителями и новичками обычно совершались только вопреки желанию обоих семейств» [33. С. 442]. Например, молодой человек (Ринат Ерзин,

1968 г. р., Алматы) говорил своей матери: «Я просто татарку не могу найти, а ты еще хочешь, чтобы она была “китайской”». Гаммар Исхаков (1929 г. р.) вспоминает: «Когда я посетил Казанский университет, там собрались ученые, которые попросили меня рассказать о себе на татарском языке. Послушали и говорят: “Ваш язык похож и на татарский, и на казахский, и на некоторые другие языки”. Я им пояснил: “Это так называемый синьцзянский язык. Его в СУАР (Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. – Г. Ф.) все понимают”» [44. С. 8]. На одной из свадеб (с. Чубар, Талдыкорганской обл, 1987 г.) родственники жениха, татары с севера Казахстана удивлялись: «...странные татары – говорят по-казахски, а поют по-татарски». На вопрос «на каком языке вы разговариваете?» можно было услышать ответ «на своем» («узіміш»). Приведем данные из черновика «Личного листка по учету кадров» (1959 г.) Шаукета Хабибиева (1927 г. р.), в котором знание языков распределялось таким образом: «(владею) среднеазиатскими и русским языком и 50 % китайским».

При этом для «китайских» татар как диаспорной группы характерно особо трепетное отношение к сохранению родного языка, который выступал главной составляющей их этнической самоидентификации. «Степень идентификации и уровень владения родным языком, а также беспокойство о состоянии и будущем родного языка находятся в прямой зависимости» [29. С. 55].

Рабин Сафаргалиев вспоминает: «Независимо от уровня материального достатка, наша жизнь там, безусловно, была счастливой. И это благодаря нашим предкам... Они построили там прекрасные школы и содержали их, приглашали передовых педагогов, выписывали книги, периодическую печать и т. д. Они сумели поставить образование и интересы всестороннего развития своих детей выше материальных благ» [28. С. 18]. Вот также некоторые факты из биографий людей, имевших самое непосредственное отношение к образованию в Синьцзяне. «Сайтгали Сайтмухамматулы (1876–1950) родился в г. Тюмени. Освоив науки на фарси, турецком и арабском языках, Сайтгали после 19 лет учебы в возрасте 34 лет по приглашению богатых татар прибывает в г. Чугучак Восточного Туркестана, для преподавания. Он обучает детей не только основам ислама, но и преподает ал-

гебру, геометрию и др.». «Юнич Фазылхан аксакал Хайруллаулы (1874–1927) – для татарской публичной библиотеки г. Кульджи выписывал различные книги, газеты журналы из Казани». «Хабибуллина Гайса кызы Гуляндам ханым (1887–1974) – после смерти мужа Мухибуллы в 1921 г. в г. Чугучак открывает две школы. Одну из них народ прозвал “Гулямдия”, вторую “Максудия”. Она учительствовала более 44 лет, ей обязаны своим образованием более 6 000 человек г. Кульджи». «В 1913 г. в г. Кульджа со своей семьей прибывает известный просветитель Габдулла Буби. Он продвигает идею об открытии первым делом женской школы – мужские всегда будут открываться, а школы для воспитания “родителей нации” – девочек могут оказаться на втором плане. Первый выпуск в школе был в 1917 г. в количестве 17 девушек. Г. Буби писал: “Из местного населения никто, кроме татар, не прилагал усилия обучать девочек в школах. Возможно, что в нашей школе увеличится число девочек из семей уйгур и дунган, тогда у них тоже будут открываться школы аналогично нашей”» [34. С. 8, 23, 25, 30].

Результатом усилий этих людей и всей диаспоры стало то, что о ее представителях отзывались, например, так: «Хотя он родился в Китае, вырос там, но татарскую литературу, историю, наши национальные песни он знал лучше нас. Нам были известны лишь первые три строфы знаменитого стихотворения Габдуллы Тукая “Туган тел” (“Родной язык”). Мы не были знакомы со строфой, начинающейся словами: “О мой родной язык, на котором была произнесена моя первая молитва”» (Раниль Шарафи, народный артист Татарстана и России о Бахтияре Табиеве, заслуженном деятеле искусств Казахстана) [28. С. 69]. Руководитель ансамбля «Якташлар» («Земляки») (Алматы) Марсель Закирович Кильдияров (1949 г. р.), сам родом из Башкирии, поделился своим впечатлением: «В нашем коллективе поют люди пожилого возраста, и я заметил, что мы часто знаем, например, только первые куплеты татарских песен, а те, кто жил в Китае, знают все слова» (август, 2005 г.). Как свидетельствуют приведенные факты из некоторых воспоминаний, проблема самосознания возникла после репатриации в СССР. До нее татары Синьцзяна осознавали себя частью большого татарского этноса, после – такой же частью, но несколько отличной даже от казахстанской диаспоры.

В то же время особо хочется отметить выраженное стремление дать образование женщинам – «у нас на почетных местах сидят жены имамов, муэдзинов и другие образованные женщины. Они уважаемые люди, и где бы они ни были, их усаживают на почетных местах» [12. С. 148].

Вновь обращаясь к тексту Габита Исхакова, отметим, что большую его часть занимает перечисление родившихся, умерших, женившихся и вышедших замуж членов семьи как мужского, так и женского пола с обозначением числа, месяца, дня недели, времени суток. «Цивилизованный представитель любого времени, включая и нашу современность, понимал родство в смысле абсолютной, естественной связи индивидов, обеспеченной физиологическим происхождением этих индивидов от одних и тех же прародителей» [20. С. 264]. В. Р. Арсеньев в связи с этим замечает: «В традициях этнографии / этнологии – структурировать все, сопряженное с “родством”, по оси генетического воспроизводства», но при этом «генетический, который вовсе даже не обязательно должен быть биогенетическим, а, например, историко-генетическим, подтверждая лишь факт преемственности во времени некоего множества, каковое как биологическое / видовое будет “популяцией”, как культурное – “этносом”, а как социальное – “социумом” / “обществом”» [4. С. 160].

Таким образом, зафиксированные данные в рассматриваемом тексте позволили составить более информативную родословную (см.: Приложения). Причем в казахской традиции в родословных не фиксируются брачные партнеры и потомки женского пола (например, [7. С. 102]). Для татар также характерны счет родства по мужской линии и осознание «главных» предков как предков мужского пола. Например, из мемуаров Г. Ш. кызы Кармышевой: «Мать Муллы абый, бабушка Мунира, постоянно занята чтением и письмом. Она пишет, откуда родом ее муж, Сираджи бабай, кто были его предки» [12. С. 248]. И в записи Габита по вертикали названы семь мужских предков, но при этом по горизонтали – все, с кем осознавалось кровное родство и родство по свойству.

Сочетание письменного источника и устных опросов приводит к созданию более достоверных родословных и выводит их в ранг этноисторических источников, которые, в свою очередь, определяют перспективы дальнейших исследований и задают тему

отражения человеческих судеб в судьбе народов и стран. В этом смысле неоспоримый интерес представляют семейные архивы, воспоминания, мемуары и т. п. В данном случае хотелось бы остановиться на описании жизненного пути Габита сына Исхака и некоторых персонажей из его текста (см.: Приложения). Его история была восстановлена со слов его детей.

Следует обратить внимание на описание жизни семьи Габита сына Исхака в Китае, на отношения между родственниками. Например, Хафса Исхакова (1933 г. р.) сообщает: «...вообще-то там было принято среди близких и дальних родственников ходить в гости и принимать гостей, они подолгу гостили друг у друга, в общем – активно роднились». Мы бы отнесли эту черту к влиянию казахских традиций. Подтвердить ее можно ссылкой из личных воспоминаний автора данной статьи, когда при прощании перед отъездом в Казань была сказана следующая фраза: «Можешь обратиться за помощью к дяде (троюродному, которого я ни разу в жизни до этого не видела), он – “китайский” татарин, не “местный”, а значит лучше помнит и ценит родственные связи» (1987 г.). Достаток способствовал сохранению традиций. Может, именно поэтому среди отличий «китайских» татар от «местных» («жерлик») информаторы (например, Галия Хабибуллина-Абдусаламова, 1929 г. р., Алматы) отмечают более глубокое знание первыми обрядов и культурных норм (подобные мнения были распространены среди уйгуров, которые также делились на «пришлых» (*kelganlar*) и «местных» (*yerliklar*) [33. С. 581].

Необходимо фиксировать подобные воспоминания, так как «китайский» период, например в приведенной в Приложении родословной, выпадает всего на одно поколение. Но даже за это короткое время успели сформироваться культурные особенности «китайских» татар, которые в настоящее время стремительно исчезают в силу разных причин.

Изучение данной конкретной генеалогии показывает, что каждое поколение пережило переселение (из Поволжья в Казахстан, из Казахстана в Китай, из Китая в Казахстан и другие государства). Возможности такого «легкого» перемещения основывались на исторически сложившихся взаимоотношениях России (впоследствии и СССР) и Китая. В интересующий нас период «действи-

тельный контроль над приграничными районами осуществлялся местными губернаторами, формально хотя и подчиненными центральному правительству, но в силу удаленности районов и неразвитости инфраструктуры в Китае фактически являющимися независимыми от него и осуществляющими политику, в том числе и в сфере регламентации межэтнических отношений» [33. С. 106]. Например, синьцзянский губернатор в 1933–1944 гг. Шэн Шицай «получал экономическую и военную помощь из СССР. Кроме того, он также пытался внедрить советскую систему проведения национальной политики в Синьцзяне. Один из его “Шести великих принципов политики” провозгласил равенство национальностей... Ежедневная газета “Синьцзян сегодня” публиковалась на семи языках...» [15. С. 81]. В результате подобной политики «советские» настроения были очень распространены среди диаспоры, только в первом поколении имеющей место рождения Китай. Естественно, при первой же возможности (установление Восточно-Туркестанской Республики) многие получили советские паспорта в советских консульствах по месту рождения своих родителей. Так, в справочнике «Татары и башкиры Алма-Аты» отмечается одна из заслуг Кашфеласар Вахаб хазрета, судьи и имама г. Кульджи – он «заводит журнал регистрации новорожденных, что оказало большую помощь при выдаче паспортов людям, переезжавшим в СССР – все сведения проверялись по этим журналам» [34. С. 17]. Как пример, можно привести некоторые документы (свидетельства о рождении, браке, дипломы и т. п.), выданные, заверенные советским консульством в г. Урумчи.

Таким образом, за относительно короткий срок (в течение примерно 100 лет) произошли изменения в системе расселения и образе жизни этнографической группы татар. Дискретность размещения и городская среда превратили их в подвижное население, в опытных мигрантов, хотя в отличие от «крымских татар» подобное переселение было добровольным [38. С. 339]. Это подтверждается и данными родословной – практически невозможно достоверно заполнить графу ответов на вопрос о месте проживания респондентов. Почти никогда не совпадает место рождения с местом смерти. Вопрос «откуда Вы?» имеет множество подтекстов для представителей подобных групп – «где Вы живете в данный момент?»,

«где родились Ваши дети?», «где Вы родились?», «где родились Ваши родители?», «где Ваша историческая родина?» и т. д. В то же время «китайский» опыт межкультурного и этнического взаимодействия, высокий образовательный уровень переселенцев способствовал сравнительно быстрой и эффективной социальной адаптации, стабильной и благоприятной жизни на территории Казахстана в том числе. В нашем случае мы имели пример одной родословной, составленной без учета мужского и женского родства. В перспективе для полноты исследования данной темы научно значимым является выделение с помощью сбора генеалогий (по методике Г. М. Афанасьевой и Ю. Б. Симченко [5]) группы «китайских» татар, проживающих в Алматы.

Список литературы

1. Алимбай Н., Базылхан Н. Рукопись о двух берегах – шежире (генеалогия), посвященных Жадику сыну Туке сына Байсала, сына Айдара сына Кошека сына Карасая // Тр. ЦГМ РК. Алматы, 2004.
2. Алимбай Н., Белтенев Ж. Рукопись – шежире Мухамеджана Сералина (1872–1929) о генеалогии своих предков – кожа (из фондов Центрального Государственного музея Республики Казахстан) // Тр. ЦГМ РК. Алматы, 2004.
3. Алимбай Н. Шежире (генеалогия) как принцип социальных отношений у казахов-кочевников // VI Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. СПб., 2005.
4. Арсеньев В. Р. Этнология и «родство»: в чем проблема? // Алгебра родства: Альманах. СПб., 1999. № 3.
5. Афанасьева Г. М., Симченко Ю. Б. Опыт генеалогических описаний (на примере чукчей) // Сов. этнография. 1986. № 3.
6. Булатова Д. Люди и реки. Алматы, 2005.
7. Волкова Т. П. Материалы к биографии Алихана Букейханова (Казахский лидер – исследователь своей родословной) // Отан тарихы. Отеч. история. Алматы, 1998. № 1.
8. Даутова С. С. К истории становления толерантного мировоззрения казахстанцев (из опыта работы отдела диаспорологии Центрального государственного музея Республики Казахстан) // Современный музей как важный ресурс развития города и региона: Тез. докл. Междунар. науч.-практич. конф. Казань, 2005.
9. Ерофеева И. В. Формирование татарской, немецкой, польской и других диаспор // История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пособие / И. В. Ерофеева, Н. Э. Масанов и др. Алматы, 2001.
10. Зимовина Е. П. Динамика численности и состава населения Казахстана во второй половине XX века // <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/analit03.php>
11. Каримова Ф., Хасанова Н., Бекбаев Р., Юничев А. О днях минувших... Алматы, 2000.
12. Кармышева Г. Ш. кызы. К истории татарской интеллигенции (1890–1930-е годы). Мемуары / Пер. с татар. Ф. Х. Мухамедовой; Сост. Б. Х. Кармышева. М., 2004.
13. Коган М. Э. Татары в Санкт-Петербурге (Ленинграде) на рубеже 90-х годов // Кунсткамера: Этногр. тетради. СПб., 1995. Вып. 7.
14. Корусенко С. Н. Генеалогический метод в этноисторических исследованиях // VI Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. СПб., 2005.
15. Мендикулова Г. М. Некоторые неопубликованные источники по истории казахской диаспоры, извлеченные из британских архивов // Отан тарихы. Отеч. история. Алматы, 1998. № 1.
16. Мендикулова Г. М. Актуальные проблемы диаспорологии в Казахстане // Отан тарихы. Отеч. история. Алматы, 2000. № 3–4.
17. Мендикулова Г. М. Диаспорология в Казахстане – достижение суверенитета // Отан тарихы. Отеч. история. Алматы, 2001. № 3.
18. Мендикулова Г. М. Диаспора как понятийно-категориальный феномен // Отан тарихы. Отеч. история. Алматы, 2003. № 1.
19. Мендикулова Г. М. Источники по истории казахской диаспоры как культурное наследие Казахстана // Культурное наследие Казахстана: открытия, проблемы, перспективы: Материалы Междунар. науч. конф. Алматы, 2005.
20. Мисюгин В. М. Родство и этносоциальная история // Алгебра родства: Альманах. СПб., 1999. № 4.
21. Муканов М. С. Абак-кереи // Изв. НАК РК. Алматы, 1993. № 1(187).
22. Мурзалин Ж. А. Образы власти в кочевой ментальности // Отан тарихы. Отеч. история. Алматы, 2001. № 3.
23. Мухтарова Г. Р. Роль татарских мулл в распространении ислама в Казахстане // Тр. ЦГМ РК. Алматы, 2004.

24. *Мы из Китая: Сб. воспоминаний* / Сост. Г. Т. Хайруллин, Г. Т. Исхаков. Алматы, 1999.

25. *Назарбаев Н. А.* В потоке истории. Алматы, 1999.

26. *Народы Казахстана: Энцикл. справ.* Алматы, 2003.

27. *Неповторимое* многоцветье. Алматы, 2003.

28. *Наш Бахтияр: Воспоминания.* Алматы, 2003.

29. *Ракишева Б.* Родной язык как индикатор идентификации личности // Саясат – Policy. Алматы, 2003. № 4.

30. *Садохин А. П.* Этнология: Учеб. пособие. М., 2004.

31. *Суслова С. В., Мухамедова Р. Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.): Ист.-этногр. атлас татар. народа. Казань, 2000.

32. *Сыроежкин К. Л.* Казахи в КНР: очерки социально-экономического и культурного развития. Алматы, 1994.

33. *Сыроежкин К. Л.* Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы, 2003.

34. *Татары и башкиры* Алма-Аты. Алматы, 2004.

35. *Татары на севере Казахстана (история и современность).* Петропавловск, 2004.

36. *Творчество* Тукая в контексте евразийской культуры: Материалы конф. Казань, 2002.

37. *Тишков В. А.* «Пожар способствовал ей много к украшению» (Российская этнология: статус дисциплины и состояние теории) // journal@iea.gas.ru

38. *Тюркские народы* Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова. М., 2003.

39. *Усманов М. У.* Рассыпавшиеся семена. Кульжинские татары // Казан утлары. 1992. № 3–4 (На татар. яз.).

40. *Усманов М. У.* Незакрытая (незаконченная) книга. Казань, 1996. (На татар. яз.)

41. *Усманова-Юсимова Н.* Остазларга ихтирам. Алматы, 2006.

42. *Файзуллина Г. Ш.* Посеешь поступок... // Мы из Китая. Алматы, 1999.

43. *Хамидуллин А. Г.* Татары в Казахстане. Алматы, 1997.

44. *Чкония С.* Ценности чистого сердца // Онер алами. Алматы, 2006. № 1(6).

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

Хафса Исхакова (1933 г. р.), внучка Гайши рассказывает (1999 г., Алматы):

«Бабушка, жена Исхака-хажи была просто Гайша, это потом к имени добавили Биби, чтобы сделать из нее татарку. Единственная дочь не бедных казахов, была балованной и росла свободно, ну как у казахов обычно дочери растут (*казахи балуют дочерей потому, что знают, после замужества, приобрета статус снохи, они займут самую низкую социальную ступень в семье и будут выполнять самую тяжелую работу*). Сама пасла скот и лихо ездила на коне в мужском одеянии. Дед ее полюбил и женился, украв ее (*брак убёгом*). Но ее родня не очень то и возражала, так как желали ей счастья и понимали, что она вышла замуж фактически добровольно. И еще – караван из 22 телег, груженных различным добром, остановился у ее отца, при этом обратно уехало всего три (*т. е. фактически было оставлено возмещение за калым*). Ее родственники попытались (*следуя правилам*) догнать и вернуть девушку. Когда нагнали возвращавшихся, перевернули первые две телеги с сеном, а третью не стали ворошить, в то время Гайша как раз и сидела в третьей, в ящике под сеном. У нее было два дяди, которые потом приезжали в гости и навещали ее (они же обмывали и хоронили по мусульманскому обряду Ахметгали Суханова, ее зятя, который был партийным деятелем, но при закрытых дверях и окнах все-таки читал намаз). Моя мама вспоминала свою свекровь с теплотой, говорила, что она была очень добрая и что это в нее Габит с «широкой душой». Из всех детей она именно его выделяла и говорила – «умру на руках Габита», так и случилось. Уже в советское время она перебралась к нему из Лепсинска в Дурбульджин (с одним ковром и ситом)». (*Семантика ковра в свадебных и погребальных обрядах – это отдельный разговор.*)

№ 2

История Габита составлена по рассказам его детей.

11 декабря по старому стилю в 1887 году родился Габит в селении Лепсинск (*имеющего репутацию «столицы татар в Семиречье»*), как и многие в роду из его поколения. «В последние годы Ибрагим-хажи, Исхак-хажи, Исмагил, анасы (...) (*три слова неразборчивы*). Ибрагим-хажи в Капале,

другие в Лепсинске жили и умерли (скончались)». По воспоминаниям матери Габита, еще в детстве он был работающим и увлекающимся ребенком, так, например, он настолько однажды был увлечен починкой сапог, что, жалея время и желая быстрее закончить работу, даже не подтирал нос, и в результате длинная капля свисала с носа. На что его мать еще тогда заметила: «Из этого ребенка будет толк», т. е. за детской неопытностью она сумела рассмотреть будущего умельца.

Перипетии гражданской войны не обошли стороной и Лепсинск. Это село попеременно было в руках то «белых», то «красных». Талант лидера проявился в Габите, и он стал комиссаром одного из отрядов красных. Но однажды он стал свидетелем неоправданных жестокостей со стороны красных. На митинге Габит выступил против гибели безвинных людей. Его могли арестовать, но друзья спрятали его под этой же самой трибуной-бочкой, а преследователей запутали, показывая в разные стороны, где он якобы укрылся. Этой же ночью он бежал в Китай. Позже ему удалось переправить и семью в Китай.

Габит был мастером на все руки. Умел и плотничать, и выделывать кожу, был прекрасным кузнецом. Так, он первым в Чугучаке делал железные кованые решетки на окна для богатых домов. Будучи человеком предприимчивым, он не бедствовал, а, можно сказать, богател (к моменту его трагической гибели у него было 500 лошадей, 40 верблюдов, 3 тысячи баранов). Но при этом в его доме всегда было место и сиротам, и обездоленным. Бесприданницам он делал приданное и удачно выдавал замуж. Вообще там было принято среди близких и дальних родственников ходить в гости и принимать гостей, они подолгу гостили друг у друга, в общем – активно роднились.

В Дурбульджине был построен большой дом со складскими помещениями во дворе. «17 декабря 1931 года Сабит с семьей пришли под Дурбульджин. А перед этим сначала тетя Махрой (...) *(неразборчиво)*». В Китае собрались братья с семьями – Сабита, Садыка, Мингали. На советской стороне оставалась замужняя сестра Сахипжамал с семьей. По воспоминаниям ее сына, Ядкара Суханова, до 1937 года связи между родными поддерживались, приезжал в гости Габит, присылались продукты. Потом такие отношения стали опасны, и дети после

смерти матери успели забыть, что у них есть «богатые родственники в Китае», считали ближайшей «родственницей» няню-казашку. Связи восстановились в 70-е годы XX в.

У Сабита в табуна была кобыла ахалтекинской породы. Известный в тех краях богатый китаец просил Сабита продать ему кобылу. По совету Габита, кобылу просто подарили китайцу. Это послужило началом добрых отношений между китайцем и семьей Исхаковых. Позже эти отношения сослужили добрую службу. В те годы немало людей из СССР, спасаясь от голодной смерти, перебрались в Китай. Габит взялся за их спасение. Со своими работниками он подготовил жилище и привозил обездоленных, голодных людей, кормил и содержал их. Он обратился к некоторым состоятельным людям с просьбой принять участие в этом деле, но не получил поддержки. Тогда Габит взял у друга-китайца займы под проценты скот и зерно. Сам же выковал посуду, во дворе мечети установили три больших казана, около которых работали брат, племянник Габита и другие. Кормили всех, кто обращался: и русских беглецов, и казахов; и т. д. Восхитившись бескорыстием Габита, китаец простил ему долг, позже помог Габиту встать на ноги. Они стали добрыми торговыми партнерами.

В продолжении недели Габит за свой счет кормил всех приходивших. Вдохновленные его примером, другие имущие люди присоединились к его доброму начинанию и по очереди (по неделе каждый) до весны содержали эту общественную благотворительную столовую. Причем надо отметить, местных не принимали, так как считалось, что они находятся в более выгодном положении: они у себя дома и продержаться могут до лучших времен.

Этой же весной Габит с братьями переезжает в район гор. (Однако, на 11-й странице текста «Кара китап» читаем: «10 апреля 1928 года положившись на одного Аллаха ... успели. Там построили стены... По желанию забор поставили. Зимой и летом держали свой скот. Эту землю арендовали на 6 лет, (из них) 1 год бесплатно. Судье Ибрагиму-хажи 2 чапана дали (договорились дать 2 чапана), оставшиеся 50 лет на каждый год 250 (...) *(неразборчиво)* договорились дать. Поручив себя одному Аллаху 20 апреля, в пятницу выехали из Дурбульджина. Пусть удача будет»). Таким образом, есть разночтения в рассказах и тек-

сте по датировке переезда. Они возделывали арендованную целину, сеяли пшеницу, впервые познакомили тамошних казахов с хлебом. Где сеют пшеницу, там должна быть и мельница. Так они вместе с Константином Черновым в горах обтесывали камни, сделали мельничные жернова и построили мельницу. Впоследствии в 61 км к юго-востоку от города возник поселок Габит-тегерман, который существует и по сей день.

Габит был доверенным лицом китайской и советской сторон по развитию торговли и дружественных отношений. Он был единственным, кому была подарена машина-грузовик, и на этой машине, к сожалению, в 1935 г. он попал в аварию и погиб. После него осталась вдова Газиза и семеро детей. Когда они росли, многие, спасенные их отцом, дарили время от времени скот на пропитание. Во время похорон один из казахских акынов два дня пел о жизни, о добрых поступках погибшего (жоктау жазган). Кстати, Газиза была подстать своему мужу Габиту. Провожая на освободительную войну против гоминдановского режима сына Ревхата, не проронив ни слезинки, она сказала своей младшей дочери: «Не плачь, разве он мужчина, если не побывал на войне».

У Габита была вторая жена Фатима. «2 ноября 1922 года женился на Фатиме до-

чери Юсуфа-муллы. 22 ноября 1928 года развелся с Фатимой. Остался сын Фатих, дочь Анвар отдал Фатиме». Впоследствии сыновья Фатих и Ришат воспитывались в семье его брата, и отчество у каждого из них в паспорте – «Сабитович». При том, что в течение многих лет существовали благожелательные отношения между двумя его женами, которые намного пережили его, в 2001 г. пришло письмо из Австралии от родственников Фатимы на имя редактора сборника «Мы из Китая», в котором на девяти страницах был высказан несколько иной, отрицательный, можно сказать, обиженный взгляд на жизнь и поступки Габита.

Еще долго после смерти Габита не могли найти ему замену на должность так называемого «начальника границы». Им стал впоследствии его старший сын Анварбек.

Прошло уже более 60 лет после смерти Габита, но до сих пор многие в Китае помнят его добрым словом. Так, во время поездки в 1993 г. его младшего сына Ришата с женой Мунирой их встречали с радостью и благодарностью: «Сходили с лошади и по пояс кланялись и вспоминали, что именно наш отец сохранил им жизнь».

Материал поступил в редколлегию 08.09.2006